

Нация как рамка политической жизни

Устойчивое существование государства невозможно без националистического дискурса | **АЛЕКСЕЙ МИЛЛЕР**

Разговор о столь активизировавшихся в современной России дебатах о нации логично начать с вопросов: нужна ли нация, и если да, то для чего? нужно ли о ней дискутировать, и если да, то с кем и зачем?

Нация весьма неопределенное понятие, во имя которого людей успешно призывали бороться за свободу и отделение от «чужого» государства или за возвращение несправедливо отторгнутых земель; призывали «жить дружно» и «делиться» в «своем» государстве, жертвовать собой, а также убивать. Различные трактовки «нации» и «национальных интересов» использовались и используются сегодня как инструмент укрепления общественной солидарности, как инструмент исключения «чужих» и сплочения «своих», как способ легитимации власти и собственности.

Как регулятор проблемы социальной справедливости «нация», на мой взгляд, не может похвастаться большими успехами. Абсолютное большинство при уплате налогов руководствуется «шкурными» интересами и страхом перед налоговым инспектором, а не национальной солидарностью. Однако роль «нации» как несущей конструкции политической сферы представляется мне ключевой.

Борьба за символ «нации» и за право его интерпретировать

Прочитируем Иммануэля Валлерстайна — социолога, которого никак нельзя заподо-

зрить в увлечении какой-либо националистической мифологией, который прекрасно знает, «из какого сора растут» нации. «Существование наций — это миф в том смысле, что все нации являются социальными образованиями и основная роль в их создании принадлежит государствам. Чтобы создать нацию, нужно восстановить ее историю и долгую хронологию (многое при этом приходится придумывать), а также *определяться с набором характеристик, даже если далеко не всем в группе эти характеристики подходят...* К концепции национального государства следует относиться как к асимптоте [Асимптота — математическое понятие, обозначающее линию, с которой определенная кривая не может пересечься на ограниченном пространстве. — Прим. авт.], к которой стремятся все государства. Некоторые государства уверяют, что они «многонациональны» и единая нация им не нужна, но даже они пытаются создать у себя некую идентичность, которая объединяла бы все государство. ...Национализм, возможно, является основной статусной идентичностью, поддерживающей современную миросистему, которая, в свою очередь, опирается на структу-

СТАТЬИ А. МИЛЛЕРА И В. ТИШКОВА, ПОМЕЩЕННЫЕ В ЭТОМ НОМЕРЕ, ПРЕДСТАВЛЯЮТ СОБОЙ ВЕРСИИ ТЕКСТОВ, ПОДГОТОВЛЯЕМЫХ ДЛЯ ПРОЕКТА «НАСЛЕДИЕ ИМПЕРИЙ И БУДУЩЕЕ РОССИИ» ФОНДА «ЛИБЕРАЛЬНАЯ МИССИЯ». КНИГА ПОД ТЕМ ЖЕ НАЗВАНИЕМ ГОТОВИТСЯ ДЛЯ ПУБЛИКАЦИИ В ИЗДАТЕЛЬСТВЕ ИЛО (КОНЕЦ 2007 г.). О. МАЛИНОВА ТАЖЕ ЯВЛЯЕТСЯ УЧАСТНИЦЕЙ ЭТОГО ПРОЕКТА

ру суверенных государств. ...Если посмотреть повнимательнее, то национализм характерен не только для слабых государств. На самом деле национализм наиболее силен в самых богатых странах, хотя публично к нему вызывают гораздо реже, чем в странах послабее...»¹.

Иными словами, совсем не обязательно верить в националистические мифы, чтобы признавать значимость национализма для функционирования современного общества. И прежде чем говорить, что национализм безусловно плох, стоит задуматься, насколько уверенно мы можем утверждать, что мир без национализма был бы лучше. Свято место пусто не бывает, то есть без какого-то господствующего мировоззрения не обойтись. Между тем, глядя на исторические при-

говорит о нации как о «базовом операторе в системе социальной классификации», как об «элементе политического и символично-идеологического порядка, а также социального взаимодействия и чувствования»⁴. Вердери определяет национализм как «политическое использование символа нации через дискурс и политическую активность, а также как эмоции, которые заставляют людей реагировать на использование этого символа»⁵. Национализм, таким образом, не сводим к одному из нескольких существующих в обществе политических движений. В подавляющем большинстве случаев все политические акторы, хотя бы они того или нет, вынуждены вступать в борьбу за право утвердить в обществе свою интерпретацию символа нации, который играет ключевую роль в

“Совсем не обязательно верить в националистические мифы, чтобы признавать значимость национализма для функционирования современного общества”.

меры обществ с господством религиозной, классовой или расовой идеологии, трудно утверждать, что они лучше регулируют общественные отношения в современном обществе, чем национализм.

Напомню кратко то, что мне уже приходилось излагать на страницах этого журнала². Феномен национализма по своей структуре и функциям заметно шире и многообразнее, чем политическое движение либо идеология, и понятие «дискурс» лучше всего подходит для его описания. Кэтрин Вердери, развивая замечание Бенедикта Андерсона о нации как наиболее универсальной легитимной ценности в политической жизни нашего времени³, посвятила специальную статью символической природе нации. По Вердери, особенность символа нации в том, что он пробуждает целый спектр эмоций, сформированных за долгое время его употребления, и неоднозначен, как всякий символ. Вердери

современном политическом мировосприятии, и тем самым становятся участниками националистического дискурса. Они борются за этот идеологический и мобилизационный ресурс, доказывают, что они лучше, чем их соперники, понимают «национальные интересы» и способны их реализовать, дабы достичь собственных политических целей, прежде всего участия во власти и в принятии решений.

«Тотальный отказ от национализма, — категорично утверждает Саймон Дюринг, — ведет к отказу от эффективного политического действия»⁶. С ним приходится соглашаться, как это ни грустно для сторонников известной позиции, согласно которой «порядочные люди в националистическом дискурсе не участвуют», потому что, ввязываясь в эту игру, обречены на проигрыш и лишь способствуют утверждению этого вредного взгляда на вещи⁷. Националистический дис-

курс может быть на некоторое время оттеснен на периферию общественного сознания, как это было, например, в России конца 1980-х — начала 1990-х годов. Но сохранить такое положение вещей надолго невозможно, вне зависимости от наших желаний.

Хотелось бы быть верно понятым. У нас широко распространен тезис, согласно которому все беды начала 1990-х, от распада СССР до чубайсовской приватизации, связаны со слабостью национализма в России того времени. Это объяснение слишком простое, чтобы быть верным. Повышенный градус национализма не предохраняет от ошибок реформаторов и крупномасштабного жуль-

тельство того, что «правда», «реальность» все равно «свое возьмет». Но эта «правда» состоит не в том, что суть конфликтов и проблем нашего времени непременно сводится к «национальному», а в том, что в мире сегодня доминирует дискурс, который именно через «нацию» и «национальный интерес» описывает актуальные проблемы. Так, например, если мы хотим понять подлинные интересы групп, вовлеченных в борьбу за контроль над расположенными на территории данного государства природными ресурсами, нам, весьма вероятно, можно вообще обойтись без категории «национальные интересы». Но для понимания механизмов

“Националистический дискурс может быть оттеснен на периферию общественного сознания, но сохранить такое положение вещей надолго невозможно”.

ничества. Если есть связь между этими вещами, то она намного сложнее. Не исключено даже, что нам повезло: будь националистические настроения в России тогда посильнее, это могло бы не предотвратить распад СССР (отдельная тема для дискуссии — горевать по этому поводу или нет), а втянуть нас в такую мясорубку, по сравнению с которой югославский сценарий показался бы удачей. Иначе говоря, национализм может быть полезен и может быть опасен — все зависит от ситуации, от того, кто и как формирует и каким содержанием наполняет, для чего использует и насколько уверенно держит под контролем националистические настроения.

Во-вторых, следует разделять «нацию», с одной стороны, как категорию практики политической жизни и социального взаимодействия, а с другой — как категорию научного анализа, которая не слишком полезна для исследователя общества. Возможно, кто-то захочет интерпретировать наблюдение о том, что националистический дискурс неизбежно утверждается в обществе как свиде-

этой борьбы очень важно, что некоторые группы позиционируют себя как «национальные», противостоящие международным корпорациям, и за счет этого получают преимущество в стремлении «продать» свою линию гражданам государства⁸.

В близкой мне области исторических исследований «национальный нарратив», то есть рассказ об истории через призму телеологии «нации», путешествующей через века, вполне обоснованно подвергается сегодня критике, а зачастую даже осмеянию. Но это не отменяет того факта, что в школах подавляющего большинства государств именно национальный нарратив доминирует в преподавании истории, и нет никаких оснований ожидать, что ситуация принципиально изменится в обозримом будущем.

Отсюда вывод: нацию можно понимать как социальный оператор или как способ идентификации, можно — как главную ценность, можно — как миф либо символ, но, как бы то ни было, позиция неучастия в дискуссии о том, что такое национальные инте-

рессы, какой должна быть нация и т. п., — это путь к политической маргинальности. Вопрос в том, какие ценности следует отстаивать в этих дебатах, какие вопросы надо обсудить, как должно быть такое обсуждение организовано.

В приведенной выше цитате Валлерстайн ясно определяет, что главный участник националистического дискурса — государство. Это — естественно. Государство заинтересовано в подобном дискурсе, потому что в современном мире нация — это прежде всего способ легитимации власти и концепция, которая задает рамки политического процесса. В его руках самые мощные инструменты индоктринации: школа, телевизор (даже там, где он в частных руках, никто «национальные ценности» подрывать не позволит), армия и т. д. В то же время даже в самодержавной России власть понимала, что она не обладает монополией на говорение о нации и не должна к этой монополии стремиться. Автор знаменитой триады граф Сергей Уваров пытался разными способами, вплоть до цензурных ограничений, воздействовать на дискурс о нации, но он же и создавал общественное пространство для этого дискурса⁹.

В этой связи принципиальным является вопрос о том, как в дискурсе о нации и национальных интересах используется неотъемлемо присущий политической жизни механизм исключения. Как в бизнесе каждая корпорация стремится к монопольному положению, если у нее возникает такая возможность, так и в политической жизни любая политическая сила сталкивается с искушением монополизировать национальный дискурс и представить себя единственным подлинным выразителем «национальных интересов». Политические противники в этом случае становятся объектом исключения как «антинародные», «антинациональные» силы. Такая практика — прямой путь к дестабили-

зации политической структуры, к подрыву демократических принципов ее функционирования. В демократической системе нет и не может быть монополии на интерпретацию национальных интересов. Правила политической игры/борьбы в демократических системах предполагают, что все (точнее, почти все) политические силы имеют право считаться «национальными»¹⁰ и предлагать свою интерпретацию национальных интересов, а избиратель от выборов к выборам решает, какая из них выглядит более убедительной. В данном случае рамка нации обеспечивает разным политическим силам право участвовать в политическом процессе в качестве «своих» и выживать в этой системе в случае (временного) проигрыша. Она же налагает на них обязательство уважать ненасильственные, в идеале демократические, правила политической игры, а также обязательство относиться к оппонентам, как к «своим». Отступление от этих принципов — прямой путь к подавлению демократии или даже к гражданской войне. Гражданская война — это именно доведенный до абсолюта кризис нации как политической рамки и регулятора.

Власть, кстати, чувствует необходимость такого механизма и уже делала попытку предложить партиям заключить пакт о том, как категория «национального» может использоваться в политической борьбе в преддверии приближающихся выборов. Но качество подготовки подобных пактов у нас примерно соответствует нашему опыту с демократией вообще — опыт этот в лучшем случае неуклюжий.

В свете сказанного можно утверждать, в частности, что «русский проект» «Единой России» демонстрирует непонимание этих принципов или нежелание их понимать. Именно постоянная общественная дискуссия по проблемам нации и есть один из способов воспроизводства национальной идентифика-

ции, а также достижения и воспроизводства консенсуса основных политических сил по определенным базовым вопросам в данной сфере. Поэтому дискуссионный проект для обсуждения проблем нации, единолично создаваемый партией, которая играет доминирующую роль в политическом процессе, — явление абсурдное. Кроме того, уже выбор фигур, олицетворяющих этот проект, ясно демонстрирует, что к нему относятся как к пропагандистскому. Можно обсуждать, насколько Иван Демидов подходит на роль лидера молодежного движения «единороссов», но невозможно обсуждать, насколько он подходит на роль модератора дискуссии о нации, просто потому, что он категорически не подходит.

На том фланге, который идентифицирует себя как «либеральный», ситуация ничуть не лучше. Возьмем для примера недавнюю статью Галины Зверевой¹¹. В духе скорее Пелевина, чем братьев Вачовски, она описывает деятельность Кремля по утверждению в обществе определенной системы воззрений. Роль интеллектуалов «на содержании» сводится, по Зверевой, к «соучастию, (которое) включает в себя разные формы *субординационного сотрудничества с властью*: ожидать дискурсивный заказ, продвигать-толковать его в обществе, предлагать “свои поправки”, ожидать принятия-непринятия предложений». Не состоящие на содержании, но признающие «значимость мегапроекта *Матрицы*» интеллектуалы «не хотят довольствоваться предлагаемым для них местом в системе (маркетинг, управление продажами политического дискурса)», а хотят стать «*программистами Матрицы*». «Либералам-демократам» Зверева предлагает на выбор три варианта: 1) включаться в строительство *Матрицы* (и таким образом пытаться изменить ее «изнутри»), 2) принципиально игнорировать этот процесс, 3) «занять позицию “разоблачения мифа” (как герой фильма «Матрица» Нео), сопротивляться “законными средства-

ми”, формируя альтернативную информационную сетевую среду, в которой будет производиться и продвигаться альтернативный политический дискурс». Отметим наивное лукавство: Нео и его друзья по законам жанра борются с Матрицей как воплощенным злом не всеми законными, а *всеми доступными* средствами, ведут поистине революционную борьбу. Формирование «альтернативной информационной сетевой среды» понимается не как способ занять более сильные позиции в *диалоге*, в котором участвуют все политические силы, включая государство, а как альтернатива такому диалогу, потому что с «операторами Матрицы», каковыми являются все, кроме «нас», говорить не о чем.

Иначе говоря, мы имеем дело с общей для всего политического спектра России особенностью политической культуры, которая не предполагает плодотворной дискуссии, но понимает производителей интеллектуального продукта как *враждебные* друг другу группировки, борющиеся за умы массы, потребляющей этот продукт. С одной стороны, такая ситуация говорит о том, что утверждение нации как общей политической рамки сталкивается у нас с серьезными трудностями, а с другой — подчеркивает необходимость ее создания.

«Русская» или «российская» нация?

Особенность дискуссий о нации в современной России состоит в том, что ее предметом является одновременно слишком много ключевых вопросов. Вряд ли найдется другая страна, в которой в одно и то же время отсутствовал бы консенсус по столь широкому кругу базовых тем. Нет согласия в том, следует ли считать Россию нацией-государством и надо ли стремиться к тому, чтобы она стала таким государством. Ясно заявлена позиция, согласно которой Россия не просто была империей, а обречена ею оставаться и потому нацию-государство строить в России не

следует. Есть и такая точка зрения, в соответствии с которой России надо поискать какую-то принципиально новую конструкцию, поскольку и традиционная форма империи, и форма нации-государства устарели. Также в обществе присутствует представление, что нация есть, просто мы этого не понимаем либо не хотим признать.

Нет единства в том, следует ли считать современные границы России приемлемой данностью. Многие заявляют, что нужно стремиться к их расширению, будь то под флагом «восстановления СССР», под флагом создания так или иначе проектируемой

нее время чаще всего обсуждается в ходе дискуссий о строительстве нации в России. Если есть вопросы, которые не открывают новых возможностей для понимания предмета, а затрудняют его, то этот из их числа. Если коротко, то нам нужны обе. Попробую обосновать данный тезис.

Сегодня в науках об обществе считается уже неприличным говорить о противопоставлении гражданского, включающего (правильного, западного) и этнического, исключающего (неправильного, восточного) национализмов. Дело в том, что на самом деле в любом национализме, в любом реали-

“Вряд ли найдется другая страна, кроме России, в которой в одно и то же время отсутствовал бы консенсус по столь широкому кругу базовых тем”.

новой империи либо под флагом русского ирредентизма, то есть стремления присоединить к России территории с большой численностью русского населения, например Крым или северную часть Казахстана. Но при этом бытует и точка зрения, согласно которой России необходимо избавиться от некоторых «нежеланных» территорий, ныне входящих в ее состав. Кто-то в этой связи говорил (а кто-то говорит и сегодня) о Чечне, кто-то — о кавказских республиках вообще.

Наконец, целый клубок противоречий существует по вопросу о том, *какая* нация в России есть или какая нужна — «российская» ли, «русская» ли и что, собственно, означают соответствующие понятия. Участники споров постоянно ссылаются на общественные настроения, причем нередко они обнаруживают взаимоисключающие представления об этих настроениях. Иными словами, даже консенсуса о том, каково же мнение по этим вопросам большинства граждан страны, у полемизирующих нет.

Кажется, вопрос о том, какая нация нам нужна — российская либо русская, в послед-

зованном проекте нации тесно переплетены гражданская и культурная составляющие¹². Вопрос в пропорциях и в механизмах сочетания этих факторов.

Гражданская нация в нашей стране не может быть другой, кроме как российской. Речь идет о правах гражданина России, о его обязанностях и о равенстве всех граждан России по отношению к этим правам и обязанностям. Речь также идет о политическом участии и политической ответственности.

В чем же проблема? Их в действительности несколько. Самая очевидная — с гражданской ответственностью и политическим участием дело у нас обстоит, мягко скажем, не очень хорошо. «Конституционный патриотизм», который является важной частью гражданского национализма, откровенно слаб. Было бы, замечу, странно, если бы стало иначе, потому что конституционные традиции у нас вообще слабы, современной конституции совсем мало лет, а обстоятельства ее принятия трудно описать как героический эпизод российской истории. В обществе сложилось достаточно широкое согласие, что демократия —

это «хорошо» и что к ней надо стремиться. Это, само по себе, важное достижение¹³. Однако в практике демократического строительства хвастаться нечем, и неважно, кто виноват в этом больше — современные властные структуры или пассивность граждан. Все согласны с тем, что путь к устойчивой и полноправной демократии будет трудным и не скорым. В этих условиях было бы наивно

альном, «политически корректном» языке «россияне», «российская нация» считаются нормой. Но в обыденном говорении это не так. Часто слово «российский» становится не объединяющим термином, а маркером «нерусскости». (Про Павлова у нас уверенно говорят «великий русский ученый», про Жукова — «великий русский полководец», но про Гинзбурга, запнувшись, многие ска-

“Если “русскость” понимается как замена “российскости”, то крайне обостряется проблема тех граждан России, кто не идентифицирует себя как русских”.

рассчитывать на то, что гражданская, «конституционная» составляющая сможет стать достаточным основанием для нации уже сегодня¹⁴.

Сама категория российского гражданства до недавнего времени была почти напрочь лишена привлекательности. Она обеспечивала возможность попасть на войну в Чечне, в длинную очередь за визой в иностранное посольство и множество других крупных и мелких проблем. Государство между тем никак не демонстрировало интереса к выполнению базовых обязательств перед своими гражданами. Лишь теперь российское гражданство начинает приобретать, пока весьма умеренную, сравнительную привлекательность. Отчасти это происходит потому, что разбогатевшее государство стало наконец выполнять часть своих обязательств несколько лучше, чем это делается в большинстве соседних стран. Отчасти же потому, что государство стало применять различные, не обязательно разумные, ограничения по отношению к негражданам, так что мы теперь узнали, что положению иностранцев в России можно не только завидовать¹⁵, но порой и сочувствовать¹⁶.

Другая важная проблема состоит в отсутствии общественного консенсуса в отношении понятия «российская нация». В офици-

жуют «великий российский ученый».) Не стану приводить примеры критических либо иронических высказываний в адрес «российскости» — их масса. Причем вовсе не обязательно их авторы склонны к расизму или племенному национализму. Часто звучат предложения просто заменить «российский» «русским» при условии, что русский станет обозначением общности, открытой для людей с любыми этническими и расовыми корнями¹⁷.

Негативное отношение многих русских к понятию «российский» связано с подозрением, что «российскость» является субститутом «советскости», которая в определенные периоды во многом была основана на подавлении «русскости». Нерусские в свою очередь склонны усматривать в «российскости» новое издание «советскости» в смысле русификаторского давления, существовавшего в иные периоды советской национальной политики. Мероприятие в Кремле накануне Нового, 2007 года с представлением народных промыслов (фольклоризация этничности) и невнятным разговором о русском языке до боли напоминало советские образцы и вполне могло подтвердить опасения и тех, и других.

Есть и другие проблемы. Например, если единственный критерий принадлежно-

сти к нации — это гражданство, то как в эту концепцию вписываются зарубежные русские? Ведь «соотечественник» определяется через культурный фактор, через «русскость». Речь, между прочим, идет о миллионах человек.

Очевидно, что представить себе «российскость» начисто лишенной «русскости» невозможно, так же как «британскость» лишенной «английскости» или республиканскую «французскость» лишенной «французскости» культурной. И чем слабее, недоразвитее гражданская составляющая, тем важнее культурный компонент в конструкции нации. Значимость культурной составляющей возрастает и в тех случаях, когда в обществе увеличивается число мигрантов, не соответствующих определенным культурным ожиданиям местного населения¹⁸.

Ответ на вопрос о том, является ли «русскость» альтернативой «российскости» либо ее необходимым дополнением, зависит от трактовки «русскости». Попытка трактовать проблему как чисто филологическую, предлагая «русскость» на замену «российскости» просто из-за устойчивости определенной языковой практики, наивна. Если «русскость» понимается как замена «российскости», то крайне обостряется проблема тех многочисленных граждан России, кто не идентифицирует себя как русских. В попытке скорректировать значение слова «русский» так, чтобы оно стало обозначением гражданской идентичности, общим для всех граждан России, сторонники этой точки зрения нарвутся на сложности не меньшие, чем сторонники утверждения «российскости» как обозначения общей идентичности.

На другом полюсе рассуждений о смысле «русскости» — ясно заявленное в современном дискурсе стремление интерпретировать «русскость» как этническую категорию. Некоторые открыто настаивают на биологической, генетической трактовке «русско-

сти»¹⁹. Более изощренное, претендующее на респектабельность понимание «русскости» как этническо-племенной категории предлагают Татьяна и Валерий Соловей²⁰. Опасность такой позиции очевидна, поскольку, будучи принята в обществе, она автоматически влечет за собой постановку вопроса о том, кто будет определять принадлежность к русским, может ли анализ ДНК заменить на современном этапе циркуль для измерения черепа и как переписывать под Россию «нюрнбергские законы». В практике наших современных дебатов отголоски такой позиции легко различимы в попытках дезавуировать оппонента как «нерусского»²¹.

Оптимизм внушает то обстоятельство, что разумный, с моей точки зрения, взгляд на «русскость» как на культурную идентификацию разделяет подавляющее большинство населения России. По данным опросов, цитируемым Натальей Тихоновой, 41 проц. полагает, что «русским» можно считать «того, кто воспитан на русской культуре и считает ее своей», 37 проц. — «того, кто любит Россию», 29 проц. — «того, кто считает себя русским». Сторонников того, чтобы числить русскими лишь тех, чьи родители русские, — 26 проц., тех, «кто русские по паспорту», — 10 проц., столько же наших сограждан думают, что русский есть синоним православного. Причем Тихонова подчеркивает, что это устойчивая пропорция, воспроизводимая в опросах из года в год. (Сумма процентов больше 100 потому, что можно было дать два ответа²²).

Приведенные данные весьма важны как ответ тем участникам наших дебатов о нации, которые пытаются выдавать свои «закрытые», ориентированные на исключение трактовки за отражающие мнение большинства²³. Они также являются ответом на попытки представить православие как *национальную* религию, которые не принесут ничего хорошего ни православию, ни нации.

Чтобы в этом убедиться, достаточно взглянуть на опыт польского католицизма.

Открытая трактовка «русскости» подразумевает соответствие определенному культурному стандарту и самоидентификацию индивидов как русских. Установленная таким образом общность позволяет включать новых ассимилированных членов и органично поддерживать связь с зарубежными русскими. Последнее предполагает, что нашему обществу, равно как и государству, следует научиться проявлять настоящую, а не на словах, солидарность с теми русскими, кто хотел бы переехать в Россию из-за границы²⁴. Здесь есть у кого поучиться, например у немцев. При этом слишком увлекаться аналогиями между Россией и Германией не стоит. Во время кризиса в газовых отношениях между Россией и Украиной в конце 2005 года Владимир Путин несколько раз вспоминал о том, как Западная Германия экономически поддерживала Восточную ради воссоединения, и тут же получил вопрос журналиста Дмитрия Киселёва, не следует ли нам объявить русских разделенной нацией. К разочарованию Киселёва Путин эту идею не поддержал. Вероятно, президент все же лучше Киселёва помнил историю того политика, который пытался объединить немцев путем территориальных аннексий, равно как и то состояние, к которому Гитлер в результате привел Германию в 1945-м. Дрезден очень подходящее место для размышлений на эту тему.

Поскольку политический кризис на Украине будет продолжаться долго, можно с уверенностью предсказать, что крайне опасная идея воссоединения русских путем расчленения Украины станет теперь чаще появляться в нашем публичном дискурсе. Для определенной части нашего общественного мнения она много интереснее и увлекательнее, чем идея терпеливо тратить силы и деньги на обустройство России вообще и на

обустройство приезжающих в Россию русских в частности. Должен признать, что идея раздела Украины действительно обещает нам много приключений, но не уверен, что все они покажутся нам приятными. Поэтому я считаю, что нестабильность на Украине, как и другие возможные обострения ситуации у границ России, являются для России не только внешнеполитическими проблемами, но и становятся серьезным вызовом для становления нации в нашей стране.

Открытая трактовка членства в нации, ориентированная на ассимиляцию (иногда более, иногда менее избирательную) и не привязанная строго к религии, характерна для всех наций, формировавшихся в ядре империи²⁵. Такая трактовка «русскости» имеет давнюю традицию. Например, М.Н. Катков, ключевая фигура в истории русского национализма XIX века, в 1866 году писал: «Ни христианство, ни православие не совпадают с какою-либо одной народностью... Как православными могут быть и действительно есть и не-русские люди, так точно и между русскими есть неправославные... Было бы в высшей степени несообразно ни со вселенским характером православия, ни с политическими и национальными интересами России отменить от русского народа всех русских подданных католического или евангелического исповедания, а также еврейского закона и делать из них, вопреки здравому смыслу, поляков или немцев. Народы различаются между собой не по религиозным верованиям, а прежде всего по языку, и как только русские католики и евангелики, а равно и евреи усвоили бы себе русский язык не только для общественного житейского своего обихода, но и для духовной своей жизни, они перестали бы быть элементом в национальном отношении чуждым, неприязненным и опасным русскому обществу»²⁶.

Именно при наложении «российскости» и «русскости» как культурной идентификации

мы получаем работающую идеологическую конструкцию, дающую возможность прагматического подхода к нашим проблемам строительства нации. «Русскость», как открытая категория, предлагает всем желающим стратегию ассимиляции. В то же время «русскость» не может быть всеобъемлющей, потому что миллионы граждан России ассимилироваться и идентифицировать себя как русских не хотят. Равенство их гражданских прав с русскими и комфортное сосуществование в одном с ними государстве обеспечивает концепция российской нации.

Что делать?

В языковом и культурном отношении население России намного сильнее связано общим стандартом, чем в большинстве стран мира. Социальная коммуникация в России происходит на русском, а русская культура является общей для всех граждан страны, в том числе и большинства тех, кто не идентифицирует себя как русский. Поэтому от своих

культуры. Изобретать здесь ничего не нужно: в мировой практике существует подробно разработанная система мер по защите этнических, религиозных и культурных меньшинств. Отмечу, что только через сочетание «российскости» и «русскости» в концептуализации нации мы можем выйти на осмысленное обсуждение проблемы меньшинств.

Трудность здесь в том, что упомянутая мировая практика находится в резком противоречии с идеологическим и институциональным наследием советской национальной политики. На самом деле советская национальная политика совершенно не умела защищать меньшинства и знала только один способ решения проблем этнических меньшинств — превращение их в большинство или титульную национальность в специально созданных для этого административных образованиях²⁸. На практике часто оказывалось, что другие группы населения, проживавшие на территории автономий, в том числе русские, оказывались ущемлены

“В языковом и культурном отношении население России намного сильнее связано общим стандартом, чем в большинстве стран мира”.

нерусских граждан, как и от тех, кто подолгу живет и работает в России, не имея гражданства, государство вправе требовать не ассимиляции, а аккультурации. Иначе говоря, не идентификации себя как русских, а освоения русского языка как языка социальной коммуникации *российской* нации, а также определенных норм общественного поведения, принятых как в русской среде, так и среди аккультурированных с русскими групп²⁷. В то же время государство должно обеспечить тем, кто не идентифицирует себя как русских, не только формальное равенство прав, если они являются гражданами России, но и комфортные условия жизни, а также возможность сохранения собственных языка и

в своих правах. Советская традиция отразилась и в языке современной российской Конституции. Ведь речь в ней идет о *многонациональном* народе, а не о *многонародной* или *полиэтнической* нации. И федеративный характер России в этом контексте понимается как федерация *национальных* территорий. Наше современное законодательство не знает понятия меньшинства. Во многом из-за этого, а не по вине тех, кто сегодня у власти, в нынешней России правовая основа и политическая практика защиты интересов меньшинств так отстают от мировых стандартов. (Для верхнего эшелона сегодняшней власти, как бы к ней ни относиться, ксенофобия не характерна. Разумеется, про мили-

цию, например, как часть власти этого сказать нельзя.)

На закате советского периода проблемы, порожденные такой политикой, были очевидны даже для тогдашнего руководства. Аркадий Вольский рассказал в своих мемуарах, как генсек Юрий Андропов поручил ему разработать проект радикального изменения принципов территориального деления всего СССР, отменяющего как союз-

изменилось содержание данного института. При этом если мы хотим добиться, чтобы территория автономий перестала рассматриваться как территория эксклюзивной собственности определенной этнической группы³⁰, то это должно быть неразрывно связано с отказом русских от претензии на эксклюзивную собственность на Россию. Нам предстоит заново перевести понятие «национальное самоопределение» с английско-

“Нам предстоит крайне осторожно преодолевать наследие советской институционализации этничности, заменяя ее защитой прав меньшинств”.

ные республики, так и автономные. «У него (Андропова) был идефикс — ликвидировать построение СССР по национальному принципу. Как-то генсек вызвал меня: “Давайте кончать с национальным делением страны. Представьте соображения по организации в Советском Союзе штатов...”²⁹.

Не ясно, смог бы Андропов провести столь радикальную реформу, если бы ему было отпущено больше времени на посту генсека. Но без прежней системы подавления и страха даже мечтать о подобных мерах вредно. Сегодня власти под лозунгом укрупнения регионов и путем референдумов отменяют автономные округа там, где это можно сделать без острых конфликтов. Очевидно, что далеко не во всех автономиях такой сценарий может сработать. Принцип постепенности и ненасильственности должен сочетаться здесь с гибкостью, разнообразием подхода. Напомню, что именно там, где национальных автономий больше всего, то есть на Кавказе, местные общества в наибольшей степени сохранили родовые и клановые структуры, которые весьма затрудняют утверждение национально-гражданской идентификации. Задача не в том, чтобы непременно упразднить все национальные автономные образования, а в том, чтобы

го на русский. В английском *national self-determination* означает самоопределение и демократическое устройство государства и общества (потому что в английском *nation* означает прежде всего государство), но никак не «народ» или этническую группу. Понимать эту формулу в соответствии с представлениями XX столетия, то есть считать, что *national self-determination* подразумевает этническое сообщество, — значит настаивать на продолжении в XXI веке всех тех пакостей, к которым подобная трактовка принципа *national self-determination* привела в Восточной Европе, на Балканах, а также в Африке и многих регионах Азии. Потому что геноцид и этнические чистки вполне возможны и даже весьма вероятны именно при демократии, если она понимается как власть этнического большинства³¹.

Нам предстоит крайне осторожно преодолевать наследие советской институционализации этничности, заменяя ее защитой прав меньшинств. Важно, во-первых, не перепутать последовательность — в качестве первого шага должна быть выстроена система защиты прав меньшинств, в том числе этнических³². Во-вторых, важно избегать нормативного подхода: любой шаг по демонстрацию элементов прежней советской системы

должен соответствовать принципу «не навреди», опираться на компромисс с местными элитами и прорабатываться отдельно применительно к каждому конкретному случаю.

Такой подход предполагает пристальное внимание к целому комплексу сложных вопросов, которые касаются самых разных сторон нашей жизни. Какие механизмы действуют в различных социальных ситуациях — актуализирующие этничность или чувство принадлежности к гражданскому сообществу? Что в этом отношении происходит на разных уровнях системы образования в тех или иных регионах страны? С чем сталкивается человек, когда он попадает служить в армию? Каковы механизмы его включения в политическую жизнь, если они вообще работают? Что в этом смысле делается на рынке труда, на рынке жилья, на рынке образования, вообще в процессах миграции, в том числе миграции граждан России внутри страны? Во всех этих случаях государство и общество могут способствовать как процессам ассимиляции и аккультурации, так и мобилизации изоляционистских вариантов групповой идентичности. Необходимо организовать самые разные области жизни таким образом, чтобы процессы ассимиляции и аккультурации проходили эффективно и неконфликтно; эта задача тем важнее, что существенный приток инокультурной рабочей силы в страну в нашей демографической ситуации неизбежен.

* * *

В этой статье я постарался показать, какие вызовы и опасности существуют для успешного строительства нации в России. Во-первых, преобладание в обществе этноплеменной трактовки нации, которая рассматривает процессы ассимиляции как ненормальные и опасные, а территорию — как категорию «национальной», то есть этнической, собственности. Подобные представления глубоко уходят корнями в советское наследие. Во-вторых, попытка не замечать, что «российскость» в очень большой степени основана на «русскости». Обратной стороной этой медали является опасная идея, будто «российскость» может целиком совпадать с «русскостью» и ею исчерпываться. Важный вызов, который останется актуальным в течение длительного времени, — наполнение гражданского измерения нации реальным содержанием. Еще одна существенная угроза состоит в восприятии современной России как временного явления, как правило, в том смысле, что нынешние границы России подлежат расширению. Все перечисленные проблемы должны быть предметом обсуждения в обществе; устраняться от него или, напротив, стремиться исключить из него те силы, которые готовы обсуждать данную тему всерьез, непродуктивно. Есть все основания надеяться, что по этим вопросам возможен разумный и широко поддержанный в обществе консенсус. ■

ПРИМЕЧАНИЯ ¹ Валлерстайн И. Миросистемный анализ: Введение. М.: Территория Будущего, 2006. С. 139–140.

² Миллер А. О дискурсивной природе национализмов // *Pro et Contra*. 1997. Осень.

³ Anderson B. *Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism*. L.: Verso Books, 1991. P. 12.

⁴ Verdery K. Whither «Nation» and «Nationalism»? // *Daedalus*. 1993. Summer. P. 37.

⁵ Ibid. P. 38.

⁶ During S. Literature — Nationalism's other? The case for revision // *Nation and Narration* / H. K. Bhabha (ed.). L.; N. Y.: Routledge, 1990. P. 139.

⁷ См., например, статью Б. Дубина и Л. Гудкова «Своеобразие русского национализма» в журнале

Pro et Contra. 2005. Т. 10. № 2 (29), в которой авторы отстаивают именно такую позицию.

⁸ В свою очередь граждане государства, так положительно реагирующие на понятие «национальные интересы», при уплате налогов в подавляющем большинстве руководствуются, разумеется, не ими, а ищут баланс между эгоистическими интересами и страхом перед налоговым инспектором.

⁹ См.: Миллер А. Триада графа С.С. Уварова. (В печати). Краткое изложение см. в стенограмме лекции на эту тему: <http://polit.ru/lectures/2007/04/11/uvarov.html>.

¹⁰ Есть лишь два критерия, по которым определенные силы или позиции исключаются как неприемлемые. Во-первых, нужны очень серьезные доказательства, чтобы той или иной силе можно было предъявить обвинения в предательстве «национальных интересов», и эти доказательства должны рассматриваться судом. В каждой стране законодательство четко описывает те действия, которые подпадают под категорию «государственной» измены, а также регулирует механизмы участия внеациональных агентов в национальном политическом процессе. И ни одна из соперничающих между собой политических сил не должна присваивать себе право на окончательный вердикт в этих вопросах. Во-вторых, консенсус ведущих политических сил может обозначить определенные идеологические установки и поддерживающие их политические группы как неприемлемые из-за их радикализма, расизма и пр., предполагая, что претендующие на респектабельность политические силы должны осуждать эти идеи и избегать сотрудничества с такими силами. За пределы политического поля вытесняются в демократиях те политические силы, которые не признают за какими-то группами сограждан право на членство в нации, которые призывают к использованию силы для изменений правил политической игры и т. д. Официальный запрет на пропаганду таких идей либо на деятельность таких организаций остается прерогативой суда.

¹¹ Зверева Г. Построить Матрицу: Дискурс российской власти в условиях сетевой культуры (<http://polit.ru/research/2007/04/11/zvereva.html>).

¹² В некоторых странах весьма важную роль также играет или играла до недавних пор этнич-

ность, понимаемая как биологическое, племенное родство, но везде это сопряжено с серьезными проблемами.

¹³ Тем, у кого эта фраза вызвала скептическую усмешку, замечу, что на уровне публичного дискурса все сколько-нибудь заметные силы пытаются представить себя как «демократические», и недооценивать это обстоятельство не следует.

¹⁴ Как я постарался показать выше, идея, что нацию можно строить как оппозицию государству, не кажется мне продуктивной, если только это не проект отделения от России какого-либо окраинного национализма. Нужен диалог общества с государством, равно как и диалог в обществе. Тем, кто скажет, что государство такого диалога не хочет и никогда не допустит, следует либо отказаться от участия в общественной жизни (умеренный вариант), либо готовить революцию (радикальный вариант). Очень хочется надеяться, что умеренных среди безнадежных скептиков больше.

¹⁵ Зависть к иностранцам — неотъемлемая черта советского периода (валюта есть, могут уехать, когда захотят, и т. п.). Сегодня она может быть иной, что связано и с появлением нового типа иностранцев — бывших советских граждан («рынки все у них», «торговлю захватили»).

¹⁶ Сочувствовать, потому что мало платят тем, кто работает на стройках, водителями или дворниками, потому что обирают, потому что документы проверяют на каждом шагу, закрывают для них некоторые ниши на рынке труда и т. д.

¹⁷ См., например: Соколов М. Как уйти из грамматической ловушки // Эксперт. 2006. 13 нояб. № 42 (536).

¹⁸ То, что в этом плане происходит в Британии или Франции, будет происходить и у нас, потому что современные крупные города сегодня перестали быть индустриальными «плавленными тиглями», какими они были в XIX и большей части XX века. В том городе новоприбывший по найму или «лимиту» шел работать на крупное предприятие, «вписывался» в коллектив (в нашем случае, к сожалению, часто через водку) и т. д. В современном городе он ищет поддержки у существующей уже здесь общины земляков и работу надеется найти у них, а не на заводе «Сименс» либо «Москвич» во многом потому, что «Сименс» уже вывозит предприятия поближе к рабочей силе, а «Москвич» сдох. А если какие-то предприятия и остались, то

они сегодня обладают столь высокой технологической культурой, что туда новоприбывшего не возьмут. А на стройке бригада будет состоять из таких же, как он, в лучшем случае прораб или мастер будут местные.

¹⁹ Севастьянов А. Соловей русского национализма // Политический класс. 2007. Февр. № 26 (<http://politklass.ru/cgi-bin/issue.pl?id=728>).

²⁰ Соловей В. Русская история: Новое прочтение. М., 2005; Соловей Т., Соловей В. Апология русского национализма: Невозможно строить демократическое государство и нацию без национализма // Политический класс. 2006. Нояб. № 23 (<http://politklass.ru/cgi-bin/issue.pl?id=660>).

²¹ В текстах Т. и В. Соловей примеры такой тактики можно найти без труда. Замечу, что некоторые либеральные политики и журналисты также не гнушаются подобными приемами. Например, в момент активизации ДПНИ они поспешили сообщить гражданам «паспортную» фамилию лидера ДПНИ Белова, имея в виду не только ее неблагозвучие, но и то, что она указывает на «нерусские корни» несимпатичного им активиста.

²² Тихонова Н. Постимперский синдром или поиск национальной идентичности? // После империи / Под ред. И. Клямкина. М.: Фонд «Либеральная миссия», 2007. С. 156–177 (данные — с. 172).

²³ Тихонова также приводит данные о неуклонно снижающемся числе желающих восстановления СССР и о весьма умеренных представлениях наших сограждан о том, какое содержание следует вкладывать в понятие «великая держава», каковой Россию хочет видеть большинство. Так что попытки представить стремление восстановить СССР и стремление вернуться к роли *сверхдержавы* как заветную мечту большинства граждан России — это тоже миф (там же. С. 165).

²⁴ Многие можно сделать на уровне элементарных законодательных решений. Создается специальный фонд, вводится дополнительный 1 проц. подоходного налога. Или, даже лучше, налог не менять, но дать каждому право 1 проц. от уплаченного налога отдавать в этот фонд, как в других странах — на церковь. При этом не хочешь — не отдавай.

²⁵ Подробнее см.: Миллер А. Империя Романовых и национализм. М.: НЛО, 2006. Гл. 2, 4. Отмечу, что в современных дебатах иногда встре-

чается тезис о неприменимости к России концепции нации, поскольку Россия — имперское образование по своей природе и иной быть не может. Аргумент не выдерживает критики потому, что именно империи в XIX в., а кое-где и ранее строили нации в своем ядре — французскую, британскую, испанскую, с середины XIX в. — венгерскую. В Российской империи строительство общерусской, то есть объединяющей велико-, мало- и белорусов, нации в ядре империи не предполагало включения в нее всего населения империи, хотя и отнюдь не ограничивалось лишь славянами. Формирование такой нации в последние десятилетия перед Первой мировой войной шло по многим параметрам не без успеха.

²⁶ См.: Московские Ведомости. 1866. № 53. 10 марта. Цит. по: Катков М. Собрание передовых статей «Московских Ведомостей». 1866. М., 1897. С. 154. Тема значения имперского наследия для строительства нации в современной России заслуживает особого обсуждения, что я и попытаюсь сделать в готовящейся книге «Наследие империй и будущее России». Здесь лишь отмечу, что за нашими бесконечными и довольно бесплодными обсуждениями якобы вечно актуальных споров западников со славянофилами мы ленимся внимательно почитать тексты таких людей, как граф С.С. Уваров или М.Н. Катков. Между тем у них да и у целого ряда других представителей консервативно-реформистского направления русской мысли XIX в. можно найти много полезных идей. История ассимиляционных процессов в имперской России также свидетельствует, что открытая трактовка нации не только была заявлена интеллектуально, но и давала ощутимые плоды. Это одна из ряда причин, по которым к имперскому наследию надо относиться внимательно, не только как к источнику наших бед и негативного опыта, но и как к «полезному прошлому».

²⁷ Само появление термина «аккультурация» уже в XX в. в дополнение к весьма древнему и уже распространенному термину «ассимиляция» говорит о попытках найти новое слово для описания отличных от ассимиляции явлений. Иначе говоря, за аккультурацией может (но отнюдь не обязательно должна) последовать ассимиляция, но этот переход означает изменение самой природы процесса. Аккультурация не затрагивает представлений о групповой принадлежности или нацио-

нальной идентичности, в то время как процессы ассимиляции неизбежно с этим связаны. Если аккультурация заключается в освоении новых культурных моделей, заимствованных в ходе контактов с другим сообществом, то ассимиляция представляет собой процесс уподобления, включения в новую общность, усвоения нового мировоззрения, традиций и эмоциональной привязанности. См.: *Brokhaus Enzyklopädie*. Bd 1. Wiesbaden, 1966. S. 253; *Dictionnaire de la langue française*: Lexis. 2 ed. P.: Larousse, 1987. P. 120, 479; *International Encyclopedia of Social Sciences* / D. L. Sills (ed.). Vol. 1. McMillan Company, 1968. P. 21–22. Такую же трактовку ассимиляции как уподобления дает словарь Ожегова. См.: *Ожегов С.И.* Словарь русского языка. 4-е изд. М., 1960. С. 29. Разрабатывая понятие ассимиляции на американском материале, Милтон Гордон среди прочих условий, необходимых для полной ассимиляции, называет «отсутствие предрассудков; отсутствие дискриминации; отсутствие конфликта по вопросам ценностей и власти», акцентируя, таким образом, готовность ассимилирующего сообщества принять новых, ассимилированных членов (*Gordon M.M.* *Assimilation in American Life: The Role of Race, Religion, and National Origin*. N. Y.: Oxford Univ. Press, 1964. P. 71).

²⁸ Наиболее основательный анализ советской национальной политики см. в: *Martin T.* *The Affirmative Action Empire: Nations and Nationalism in the Soviet Union, 1923–1939*. Cornell Univ. Press, 2001.

²⁹ *Четыре генсека* // Коммерсантъ. 2006. 12 сент.

³⁰ Исключение должно быть сделано для народов, ведущих традиционный образ жизни, само существование которых тесно связано с сохранением определенных природных условий. Подробнее об этом см. дискуссию после моей лекции в «Билингве» (<http://www.polit.ru/lectures/2007/04/19/nacija.html>).

³¹ См.: *Mann M.* *The Dark Side of Democracy: Explaining Ethnic Cleansing*. Cambridge Univ. Press, 2005.

³² Важно иметь в виду, что не только этнокультурный фактор определяет положение определенных групп как меньшинств, но и расовый, религиозный и др. Ведь столь участвовавшие в последнее время примеры агрессии против приезжих определяются не этнокультурным, а скорее расовым фактором: нападающие, как правило, не знают, к какой этнической группе принадлежит жертва, какой у нее родной язык, какое гражданство.